

ГЕОПОЛИТИЧЕСКОЕ ЭХО КОГНИТИВНОЙ ВОЙНЫ

В 2020-2021 годах появилась серия публикаций специалистов НАТО, направленных на обоснование ведения против своих реальных и потенциальных противников в ходе геополитического противостояния когнитивных войн (Cognitive Warfare). Причем речь идет о принципиально новом – шестом – виде (домене) военных операций, в отличие от ведущихся на суше и в водах Мирового океана, в воздухе, космосе и киберпространстве, нацеленных исключительно на духовную сферу человеческой деятельности – его мысли, чувства, мировоззрение, идеологию. Так, по заверению Ф. Дю Клузеля, руководителя инновационного хаба НАТО в Норфолке (США), с начала 1990-х годов знания в области когнитивных наук стали в полной мере использоваться в когнитивных операциях, охватывающих политическую, экономическую и социокультурную сферы. Условия для целенаправленных действий были предоставлены всеохватывающей цифровизацией различных сторон человеческой деятельности, а потому потенциальной мишенью когнитивных операций оказывается любой пользователь современных информационных технологий, которые нацелены на весь человеческий капитал нации. Более того, расширение пространства ведения когнитивных операций снижает актуальность кинетических и ресурсоемких средств ведения войны, поскольку социальная инженерия всегда начинается с глубокого погружения в человеческую среду. Люди, рассуждает далее Клузель, являются легкой мишенью, поскольку они, предоставляя информацию о себе, становятся марионетками [sockpuppet]². Представитель НАТО недвусмысленно заявляет, что «когнитивная война – это война идеологий, стремящаяся подорвать, веру [доверие], скрепляющую любое общество... Когнитивная война методично эксплуатируется противниками как компонент глобальной стратегии, направленной на ослабление, вмешательство и дестабилизацию целевых групп населения, институтов и государств, чтобы повлиять на их выбор, подорвать автономию их решений и суверенитет их институтов». Более того, он же твердо уверен в том, что «когнитивная война была навязана западным либеральным демократиям, бросая вызов международным субъектам, которые разработали стратегию,

¹ Ведущий научный сотрудник лаборатории стратегического планирования и евразийской интеграции Северо-Западного института управления Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, доктор философских наук, профессор, заслуженный работник высшей школы РФ. Автор более 300 научных работ и учебных пособий, в т. ч.: «Философия геополитики», «Геополитика Евразии», «Глобальная геополитика» (в соавт.), «Геополитика Евразийского Союза: от идеи к глобальному проекту», «Математические начала глобальной геополитики» (в соавт.), «Диалектика познания глобального мира: между неолиберализмом и „постсоветским марксизмом“», «Информационно-психологическая и когнитивная безопасность», «Асфатроника: на пути к теории глобальной безопасности», «Советская цивилизация и евразийская идея: две истории длиной в век» (отв. ред., соавт.) и др. Заместитель главного редактора журнала «Евразийская интеграция: экономика, право, политика». Эксперт РАН и ПА ОДКБ.

² Кстати говоря, Оксфордский словарь английского языка дает перевод sockpuppet – человек, чьи действия контролируются кем-то другим.

позволяющую избежать военной конфронтации, тем самым стирая грань между миром и войной, нацеливаясь на самый слабый элемент: людей». Далее следует четкая рекомендация военно-политическому руководству НАТО: «неспособность помешать когнитивным усилиям противников НАТО обречет западные либеральные общества на поражение в следующей войне без боя»¹. В том же году выходит труд авторского коллектива натовских сотрудников «Fall 2020. Cognitive Warfare: An Attack on Truth and Thought», в котором указаны две цели когнитивной войны – дестабилизация и влияние, направленные не только на целые группы населения, но и на отдельных лидеров в политике, экономике, религии и академических кругах².

В материалах первой научной конференции НАТО по когнитивной войне, прошедшей в Бордо (Франция) 21 июня 2021 г., когнитивная война получила более детальную характеристику. Как считают Б. Клавери и Ф. Дю Клузель, она представляет сферу действий, в которой «все элементы информационной войны, включая оперативные аспекты психологии и неврологии для военных действий, и которая находится на пересечении двух операционных областей, ранее управляемые по отдельности: психологические операции и операции влияния (мягкая сила), с одной стороны, и кибероперации (киберзащита), предназначенные для деградации или уничтожения физических информационных активов, с другой» Но самое главное (и поучительное для нас) заключается в том, что авторы наставлений по когнитивной войне в полной мере опираются на теоретический базис когнитивной науки и на NBIC -технологии. Так, подготовка будущего с помощью мобильных кибер-возможностей основана на NBIC как научного проекта, объединяющего четыре ранее отдельные области: нанотехнологии (технология нанороботов, наносенсоры, наноструктуры, энергетика и т. д.), биотехнологии (биогеомные технологии, биоинженерия, нейрофармакология и т. д.), информационные технологии (компьютерная наука, микроэлектроника и др.) и когнитивные технологии (когнитивная наука и нейропсихология)³.

Проблема обеспечения когнитивной безопасности личности, общественного сознания, государства, на уровне международных отношений приобрела актуальность в самые последние годы, особенно на фоне санкционной политики «коллективного Запада» против России и специальной военной операции на Украине. Актуальность обеспечения когнитивной безопасности России продиктована необходимостью системного противодействия когнитивной войне, идеология которой открыто объявляется военно-политическим истеблишментом США и их подручными. Более того,

¹ François du Cluzel. Cognitive Warfare. Innovation Hub - Nov 2020, June-November 2020 45 p., p. 7, 9, 33, 36.

² Bernal A., Carter C., Singh I., Cao K., Madreperla O. Fall 2020 Cognitive Warfare. An Attack on Truth and Thought. Baltimore: Johns Hopkins University, 2020. P. 6.

³ Bernard Claverie, François Du Cluzel. “Cognitive Warfare”: The advent of the concept of “Cognitics” in the field of warfare // Cognitive Warfare, First NATO scientific meeting on Cognitive Warfare Bordeaux (France) - 21 June 2021, Scientific Editors: B. Claverie, B. Prevot, N. Buchler & F. du Cluzel. Published by the NATO-STO Collaboration Support Office, with the support of the NATO-ACT Innovation Hub, Bordeaux ENSC, the French Armed Forces Joint Staff and the Region Nouvelle Aquitaine, March 2022. P. 2-7

по заверению советника министра обороны России А. М. Ильницкого, в современных условиях необходима разработка *Стратегии ментальной (когнитивной) безопасности России*, поскольку в настоящее время коллективный Запад усилиями НАТО и ряда международных организаций развернул широким фронтом ментальную войну против России в формате скоординированной совокупности разномасштабных действий и операций, «направленных на “оккупацию” сознания противника (т.е. России. – *И.К.*) в целях паралича его воли, изменения индивидуального и массового сознания, уничтожения духовно-нравственных ценностей, традиций и культурно-исторических основ государства, национальной идентичности народа». В ответ, справедливо считает он, необходимо переходить от оборонительной тактики информационного противоборства к наступательной стратегии обеспечения информационно-психологической и ментальной безопасности. При этом в качестве исходной идеологической платформой должна служить новая редакция «Стратегии национальной безопасности Российской Федерации» (от 2 июля 2021 г.), на основании которой необходимо, как справедливо утверждает Ильницкий, «разработать и ввести в действие Стратегию ментальной устойчивости (безопасности) всего социума и отдельного индивида на платформе традиционных духовно-нравственных ценностей»¹. Иначе говоря, речь идет о формировании идеологии *когнитивной безопасности*, предпосылкой чего может служить предлагаемая «Стратегия». В данном случае необходимо сделать некоторые уточнения: warfare переводится с английского языка как война, военные (боевые) действия, приемы ведения войны, тогда как cognitive warfare = когнитивная война (подобно тому, как biological warfare = бактериологическая война, chemical warfare = химическое оружие, guerilla warfare = партизанская война). В качестве пояснения сошлюсь на Франсуа дю Клузеля, отставного французского офицера, ныне руководителя Инновационного центра НАТО в Норфолке (Вирджиния, США): «Большинство нынешних конфликтов остаются ниже порога традиционно принятого определения войны, но появились новые формы ведения войны, такие как когнитивная война (Cognitive Warfare. – *И.К.*), в то время как человеческий разум теперь рассматривается как новая область ведения войны... Инструменты информационной войны, наряду с добавлением "нейрооружия", расширяют технологические перспективы будущего, предполагая, что когнитивная область станет одним из полей сражений завтрашнего дня... Действия, предпринимаемые в пяти областях (five domains. – *И.К.*) – воздушной, наземной, морской, космической и кибернетической – все они выполняются для того, чтобы оказать влияние на человеческую сферу. Поэтому НАТО пора признать возросшую важность шестой оперативной области, а именно человеческой области»². Итак, позиция военно-политического руководства НАТО отныне базируется на признании шести «полей сражений завтрашнего

¹ Ильницкий А. М. Стратегия ментальной безопасности России // Военная мысль. 2022. № 4, с. 31-32.

² François du Cluzel. Cognitive Warfare. Innovation Hub - Nov 2020, June-November 2020 45 p P. 4.

дня». Причем довольно четко формулируется этим руководством целевая направленность: «разрабатывается концепция и технологии нового вида войны за мозг, отличающейся от информационной войны. Ее тактика базируется на предполагаемой угрозе Китая и России, чтобы оправдать ведение "битвы за ваш мозг" в человеческой сфере, чтобы "сделать каждого оружием"... Новый вид боевых действий назвали когнитивной, или ментальной, войной, включающей в себя "взлом личности" путем использования уязвимостей человеческого мозга для реализации более сложной социальной инженерии. НАТО ранее разделяло войну на пять оперативных областей: воздушную, наземную, морскую, космическую и кибернетическую, а с развитием стратегий когнитивной войны добавился шестой уровень – "человеческая область" – для того, чтобы оказать влияние на гуманитарную сферу и сделать каждого оружием. При этом мозг станет полем битвы XXI века, в которой люди – это область, за которую ведутся сражения. Будущие конфликты произойдут сначала в цифровом виде, а затем физически в непосредственной близости от центров политической и экономической власти»¹ []]. Предтечей разрушительного воздействия на «человеческую область» была разработка технологии ведения психологических операций военного назначения одним из основателей стратегической культуры американского военного психолога Пола Лайнбарджера, опубликовавшего ещё в 1947 г. обстоятельный труд «Психологическая война», в котором, с лёгкой руки автора, заявлялось, что «психологическая война стала признанным видом искусства... Психологическая война, конечно, является оружием, но это оружие, безусловно, самое гуманное». Чем подобная установка не стала одним из столпов стратегической культуры: война – искусство, а уж психологическая война – вершина гуманизма...?! П. Лайнбарджер особо указывал на необходимость привлечения философов для проведения пропагандистских операций «в условиях современной стратегии». Достаточно вспомнить, как этот перл «гуманной войны», «цивилизованного» подход к конфликту воплотился в меморандуме ЦРУ США для Комитета психологической стратегии (13 марта 1953 г.) под названием «План психологического использования смерти Сталина» (и это спустя неделю после 5 марта!), в котором недвусмысленно указывалась психологическая оценка ситуации в Советском Союзе: «Давно предполагалось, что одна из наиболее обещающих возможностей достижения реального прогресса в направлении наших национальных целей по отношению к системе Советов могла появиться после смерти Сталина», поэтому план психологических операций должен быть составлен в контексте стратегической концепции и представлять, в частности, «советским людям и населению стран-сателлитов ясное и свежее видение американских целей, чтобы более тесно связать их интересы с нашими». А потому «еще более важным является решимость захватить и согласованно поддерживать инициативу путем психологических

¹ Балановский В., Подьяконов В., От информационной безопасности к когнитивной – от неблагонадежности к созиданию URL: <https://www.secuteck.ru/articles/ot-informacionnoj-bezopasnosti-k-kognitivnoj-ot-neblagonadezhnosti-k-sozidaniyu> 03.03.2022

операций – творчески продуманных, и впечатляюще исполненных. До того, как мы завоюем сердца или получим влияние на интеллект наших мишеней (во второй части плана психологических операций советские люди стали именоваться мишенями! – *И.К.*), психологическая стратегия Соединенных Штатов должна захватить их воображение... осторожно внедряя в психологию отдельного человека представление об ослаблении эффективности системы»¹. Все сказанное выше относительно когнитивной войны, когнитивных операций и намерений натовских научных доктринеров «коллективного Запада» вызывает к необходимости осуществления системы мер по обеспечению когнитивной безопасности как одного из важнейших разделов Стратегии национальной безопасности Российской Федерации. В ее последнем варианте (от 2 июля 2021 г.) впервые указывается на необходимость развития безопасного информационного пространства и защиты российского общества, и особенно молодежи, от деструктивного информационно психологического воздействия в контексте заявлений о необходимости защиты традиционных российских духовно-нравственных ценностей культуры и исторической памяти (статьи 25.4; 52; 86; 88; 93.4; 93.13). В дополнение стоит отметить, что 20 февраля 2023 г. Губернатор Санкт-Петербурга А. Д. Беглов утвердил «Концепцию информационной безопасности исполнительных органов государственной безопасности Санкт-Петербурга». Это, пожалуй, первый опыт принятия документа подобного рода на региональном уровне в Российской Федерации. Проект данного документа был подготовлен рабочей группой из состава Научного совета по информатизации и связи при Правительстве Санкт-Петербурга. В данной «Концепции» указаны основные задачи с целью обеспечения информационно-психологической и когнитивной безопасности, в частности (п. 2.2.5):

- проведение систематических научных исследований в целях создания перспективных информационно-психологических технологий и средств обеспечения информационно-психологической и когнитивной безопасности в ведущих научно-образовательных организациях и ИТ-предприятиях города;

- развитие кадрового потенциала в области обеспечения информационно-психологической и когнитивной безопасности и применения соответствующих информационных технологий;

- расширение подготовки специалистов по направлениям «Психология служебной деятельности» (уровень специалитета) и подготовка специалистов по новому направлению «Информационно-психологическая и когнитивная безопасность» в высших учебных заведениях Санкт-Петербурга.

В п. 3.1.5 определены единые подходы к построению системы обеспечения информационно-психологической и когнитивной безопасности является частью системы обеспечения как информационной, так и национальной безопасности Российской Федерации и строится на основе разграничения полномочий органов законодательной, исполнительной и

¹ URL: <https://www.cia.gov/readingroom/docs/CIA-RDP80R01731R003300400008-8.pdf> (URL: <https://colonelcassad.livejournal.com/4812807.html>).

судебной власти в данной сфере с учётом предметов ведения органов государственной власти субъектов Российской Федерации, а к числу участников данной системы относятся средства массовой информации и массовых коммуникаций, организации, осуществляющие образовательную деятельность в данной области, общественные объединения и др.

И последнее. Решение всего комплекса проблем обеспечения когнитивной безопасности не должно ограничиваться апелляцией к сугубо технологическим наработкам, а основываться на фундаменте когнитивной науки, одним создателем которой был американский психолог Дж. Миллер. В свою очередь, в структуре когнитивной науки основную мировоззренческую и методологическую функцию способна реализовать философия сознания, в эпицентре которой, несмотря на всю многоликость авторских ее интерпретаций, должна заключаться категория идеального, как ее определял Э. В. Ильенков. Главная трудность (потому и главная проблема философии) заключается, как утверждал он, в том, чтобы разграничить мир коллективно исповедуемых представлений, т.е. весь социально-организованный мир духовной культуры, со всеми устойчивыми и вещественно зафиксированными всеобщими схемами его структуры, его организации, – и реальный, материальный мир, каким он существует вне и помимо его выражения в этих социально-узаконенных формах «опыта», в объективных формах «духа». Вот здесь-то, и только здесь, различие «идеального» от «реального» («материального») и приобретает серьезный научный смысл, – и именно потому, что на практике массы людей то и дело путают одно с другим¹. Идеальное, идеальность возникает, рождается, оказывается продуктом общественных и межличностных отношений во всем их бесконечном многообразии. Идеальность имеет чисто социальную природу и происхождение. Это форма вещи, но вне этой вещи и именно в деятельности человека, как форма этой деятельности. И эта идея тесно коррелирует с «психологической триадой» А. Н. Леонтьева, воплотившейся в его классической работе «Деятельность. Сознание. Личность».

Между тем, по непонятным причинам проблема идеального (а отсюда – идеи, идеологии) как-то незаметно ушла из философского, общенаучного и политического дискурса. Для категории «идеальное» не нашлось места ни в «Большой Российской Энциклопедии», ни в специализированном «Словаре философских терминов» (М.: ИНФРА-М, 2007), а в «Философском энциклопедическом словаре» (2010 г.) мы встречаем такой „шедевр“: «идеальность – бытие как голая идея или представление, в противоположность реальности – бытию в объективной действительности». Категория «идеальное» – такая же фундаментальная в социально-философском осмыслении окружающего мира и человеческой жизнедеятельности, как и «материальное», «пространство», «время», «движение», «развитие». Каждое из них конкретизируется в исследованиях искусственного интеллекта, его

¹ Ильенков Э. В. Диалектика идеального // «Логос», 1 (2009), с. 41; см. также: Ильенков Э. В. Искусство и коммунистический идеал. Избранные статьи по философии и эстетике. М.: Искусство, 1984. С. 51-52.

места и роли в социуме и в технологиях обеспечения когнитивной безопасности.